

Павел Бирюков

Биография Л.Н.Толстого. Том 2. 1-я часть

Павел Бирюков

**Биография Л.Н.Толстого.
Том 2. 1-я часть**

«Public Domain»

1905

Бирюков П. И.

Биография Л.Н.Толстого. Том 2. 1-я часть / П. И. Бирюков —
«Public Domain», 1905

«...Как и перед писанием первого тома, я снова остановился в нерешительности, когда принялся за перо. Меня пугала непропорциональность моих сил с громадностью и важностью предпринятой работы. Только поборов в себе все соблазны самолюбия, готовый на всяческое осуждение, я, наконец, решился продолжать начатую работу. Я знаю, что, несмотря на все недостатки ее, я совмещаю в себе несколько благоприятных условий, которые, быть может, более не повторятся...»

Содержание

Предисловие автора	5
Библиографический указатель	7
Часть I. Период «Войны и мира»	9
Глава 1. До «Войны и мира»	9
Глава 2. История «Войны и мира»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Павел Иванович Бирюков

Биография Л. Н. Толстого. Том 2. 1-я часть

Предисловие автора

Как и перед писанием первого тома, я снова остановился в нерешительности, когда принялся за перо. Меня пугала непропорциональность моих сил с громадностью и важностью предпринятой работы. Только поборов в себе все соблазны самолюбия, готовый на всяческое осуждение, я, наконец, решился продолжать начатую работу. Я знаю, что, несмотря на все недостатки ее, я совмещаю в себе несколько благоприятных условий, которые, быть может, более не повторятся.

Описывать этот период правильной, честной семейно-эгоистической жизни чрезвычайно трудно. Мало или вовсе нет выдающихся фактов. То, что в материалах (письмах, заметках, рассказах) описывается как интересный факт, то большею частью носит характер чисто семейный, интимный, и при выборе его всегда остается колебание, нужно ли опубликовывать этот факт или отнести его к области частной, интимной жизни, не подлежащей опубликованию. Конечно, никто не проведет резкой границы между двумя группами такого рода явлений. И проведенная мною черта далеко не безошибочна. Очень буду рад, если меня кто-нибудь исправит в интересах самого дела, в интересах красоты и правды изображения всем нам дорогого лица.

Художественная творческая работа выводит художника из области личной жизни и приобщает его к жизни мировой, и она ускользает от взоров биографа. С другой стороны, и внутренняя субъективная работа художника не может быть вполне доступна биографу; большею частью ему бывает открыта только подготовительная работа художника, самый же процесс творчества навсегда и для всех остается тайной.

Я сделал попытку рассматривать эти факты как явления жизни самого Льва Николаевича, осветив их и с его личной точки зрения, насколько она мне была доступна, и как явления общественного характера, указав на главнейшие черты того брожения, которое вызывало в обществе читателей и критиков появление этих великих произведений. Конечно, и тут не обошлось без промахов, но я сделал, что мог.

Переходя к периоду духовного кризиса, я остановился в недоумении перед громадностью предстоящей мне задачи, перед тою ответственностью, которую я беру на себя выставлением этого огромного и глубокого события тою лишь стороною, которая видна моему несовершенному взору; но, не имея перед собой более опытного предшественника, я опять был поставлен в необходимость действовать по способности и готов вперед признать большое несовершенство моей работы.

Я постарался из имевшегося у меня под руками материала выбрать все наименее известное, которое бы дополнило то, что уже известно, что поведал сам автор в своей неподражаемой «Исповеди», чтобы картина душевной жизни со всеми ее страданиями и радостями стала, если возможно, еще ярче, еще рельефнее, и самый момент, изображаемый ею, осветился бы с самых разнообразных сторон. И тут я, конечно, остановился в бессилии объективного наблюдателя, которому закрыты тайны субъективного сознания, и только лишь большая, сердечная близость предмета исследования могла дать мне некоторый ключ к пониманию тайны этого процесса.

Наконец, едва ли не самой трудной задачей этого тома было изображение ближайших моментов жизни Л. Н-ча 80-х годов отчасти вследствие свежести их в воспоминаниях всех живущих людей, отчасти вследствие того, что как раз в эти годы началась борьба Л. Н-ча с окружающей его обстановкой прежней жизни, – борьба, вызванная его душевным переломом.

Пользуясь разрешением графини и близких Л. Н-чу родственников и друзей, я получил доступ к их семейным архивам и прочел всю переписку за эти годы. И тут опять я много раз останавливался в недоумении перед тем, где провести черту между тем, что можно и чего нельзя опубликовывать. Много подводных камней пришлось мне обходить в моих изысканиях. Но я надеялся на моего надежного руководителя: любовь к правде и любовь к тем, чьи отношения мне приходилось изображать. И теперь я верю, что эта любовь благополучно вывела меня из опасностей и дала мне возможность сказать правду, не причинив боли тем, кто с душевными страданиями принимал живое участие в описываемых событиях.

Я не отчаиваюсь закончить свою работу и постараюсь решить еще более трудную задачу, – довести жизнеописание великого старца до наших дней, и, окончив второй том, приступаю к составлению третьего.

Я прилагаю дополнительный список источников и литературы, которыми мне пришлось пользоваться специально для этого II тома, кроме уже поименованных в I-ом. Принимая то же деление библиографии на три отдела, я отношу к третьему отделу все литературно-критические статьи, как не имеющие непосредственного биографического значения.

Иностранцами источниками, как и при составлении первого тома, мне пришлось пользоваться очень мало. Только с начала 80-х годов имя Л. Н-ча Толстого начинает занимать видное место в европейской литературе. И потому список иностранной библиографии я намерен приложить к третьему тому.

Да будет образ 80-летнего старца, зовущего нас к обновлению жизни, тем источником света и тепла, который согреет и осветит холодные и темные углы нашего тяжелого времени, хотелось бы сказать уже пережитого.

П. Бирюков

Кострома.

11-го января 1908 г.

Библиографический указатель

Кроме книг и статей, поименованных в библиографическом указателе, приложенном к первому тому, были использованы для второго тома еще следующие материалы.

I разряд

- 1) Архив Л. Н-ча Толстого: дневники, письма, записные книжки, воспоминания.
- 2) Архив гр. С. А. Толстой; переписка с Л. Н. Толстым и воспоминания.
- 3) Архив Т. А. Кузминской: письма к ней гр. С. А. Толстой и воспоминания.
- 4) Архив В. Гр. Черткова: письма Л. Н-ча к Н. Н. Страхову и другие материалы.
- 5) Полное собр. соч. Л. Н. Толстого. Изд. 10. Москва 1907 г.
- 6) Полное собрание соч. Л. Н. Толстого, запрещенных русской цензурой Изд. «Свободного слова».
- 7) Сочинение Л. Н. Толстого, изд. Эльпидина. Женева. «Соединение и перевод 4-х Евангелий».
- 8) Азбука Л. Н-ча Толстого. Изд. 1872 г. С.-Петербург.
- 9) «Новая азбука» Л. Н. Толстого. Изд. 1-е. 1875 г. Москва.
- 10) Речь Л. Н. Толстого на военно-полевом суде. Журнал «Право», 1903, с 2016.
- 11) Письмо Л. Н. Толстого о самарском голоде. «Московские ведомости» 17 авг. 1873 г.
- 12) Письмо Л. Н. Толстого о народн. журнале. «Тобольские ведомости».
- 13) Письмо Л. Н. Толстого к Фету (не вошедшее в воспоминания) «Русское обозр.», 1896.
- 14) Письмо Л. Н. Толстого к Шатилову об опыте преподавания по двум методам. «Отеч. зап.», 1874.
- 15) Личные воспоминания.

II разряд

- 16) Арбузов С. П. «Гр. Л. Н. Толстой». Воспом. бывшего слуги. М., 1904.
- 17) Е. М. «Воспоминания об И. С. Тургеневе в Ясной Поляне». «Тобольские губ. вед.», 1893, 28.
- 18) Захарьин (Якунин) И. «Гр. А. А. Толстая». «Вестн. Европы». Апрель, 1905.
- 19) Михайловский, Н. К. «Литературные воспоминания и современная смута».
- 20) «Моск. епарх. ведом.», 1874 г., 10. Стеногр. отч. о заседании Моск. комит. грам. 15 дек. 1874 г.
- 21) Овсянников. Н. В. «Эпизод из жизни Л. Н. Толстого». «Русское обозрение», 1896.
- 22) Пругавин А. С. «Гр. Л. Н. Толстой в голодовку 1873-74 гг.». «Образование». Ноябрь 1902 г.
- 23) Сергеенко, П. А. «Тургенев и Толстой». Литературное приложение к «Ниве», 1906.
- 24) Стасов, В. В. «Ник. Ник. Ге. Его жизнь, произв. и переписка». Изд. «Посредник». М., 1904.
- 25) Страхов. Н. Н. Письма к Н. Я. Данилевскому. «Русский вестник», 1901, № 1.
- 26) Сухотина, Т. Л. «Гости Ясной Поляны».
- 27) Чайковский. М. И. «Жизнь П. И. Чайковского». Т. I и II. Изд. Юргенсона. М., 1896 г.

III разряд

- 28) Богословский Евгений. «Тургенев о Л. Н. Толстом». Тифлис, 1894 г.
- 29) Достоевский, Ф. М. «Дневник писателя», 1877 г.
- 30) Драгомиров, М. «Война и мир» с военной точки зрения». «Оруж. сборник». 1868, 69.
- 31) Кареев. «Философия истории в романе «Война и мир».
- 32) Мережковский. «Достоевский и Толстой».
- 33) Михайловский Н. К. «Записки профана».
- 34) Овсянко-Куликовский. «Л. Н. Толстой как художник».
- 35) Об опыте преподавания в моск. школах по способу Л. Н. Толстого по звуковому. «Отеч. записки», 1874, 9.
- 36) «Русский инвалид» 1902 г. (Военные типы «Войны и мира»).
- 37) «Русские ведомости», 1874 г., 31. Отчет о заседании Моск. ком. грамот.
- 38) Соловьев, В. «Гр. Л. Н. Толстой». Очерк. «Нива», 1879.
- 39) Станкевич (об «Анне Карениной»), «В. Евр.», 1878 г., 4–5.
- 40) Страхов, Н. Н. «Критич. статьи о Тургеневе и Толстом». Изд. 3-е. Спб., 1895 г.
- 41) Чуйко, В. 8-я часть «Анны Карениной». «Отеч. зап.», 1877, кн. 8.
- 42) Мелкие газетные заметки и статьи.

Часть I. Период «Войны и мира»

Глава 1. До «Войны и мира»

Мы оставили Льва Николаевича и Софью Андреевну в Ясной Поляне, куда они удалились после свадьбы, веселых, бодрых, жизнерадостных. Судя по письму Льва Николаевича к Фету, уже приведенному нами, он чувствовал действительное возрождение и полной грудью вдыхал новую, охватившую его атмосферу семейной жизни.

Эта перемена условий жизни самого Льва Николаевича ведет за собой некоторые перемены в окружающей его среде. Так, 15 октября он прекращает школьные занятия. Издание журнала «Ясная Поляна» тяготит его, журнал опаздывает, и наконец он решается его прекратить.

18-го октября 1862 года он пишет брату Сергею:

«На журнал чуть-чуть тянется подписка, но по общему счету, который я сделал на днях, журнал принесет мне 3.000 убытку. К несчастью, получил я на днях две статьи недурные, которые можно напечатать, так что с небольшим трудом я дотяну до 63 года, но подписки на будущий год не делаю и продолжать не буду журнала, а ежели будут набираться материалы, то буду издавать сборником, просто книжками, без всякого обязательства...»

19 декабря он кончает 1-ую часть «Казakov» и сдает ее по уговору Каткову, который и помещает эту чудную повесть в январской книжке «Русского вестника» за 1863 год.

5-го января Лев Николаевич записывает в своем дневнике: «Счастье семейное поглощает меня».

Одного этого выражения достаточно, чтобы охарактеризовать все тогдашнее состояние Льва Николаевича.

Софья Андреевна также была вполне счастлива и так выражала это в письме своему другу молодости, А. М. Кузминскому, будущему мужу ее сестры. Ей казалось почему-то удобнее высказать это по-французски, хотя все письмо написано по-русски:

«...Mariez vous, rendez votre epouse heureuse, et demandez lui ce qu'elle pense et ce que'elle sent, alors vous comprendrez ma vie et mon bonheur...»

Но это «поглощение счастьем» не могло продолжаться долго именно в силу той интенсивности, с которой Л. Н. отдавался всякому чувству. Вскоре счастье омрачается несколькими, правда, мимолетными, несогласиями, и гармония снова восстанавливается.

15-го января Л. Н-ч записывает в своем дневнике:

«...Мы дружны. Последний раздор оставил маленькие следы (незаметные) или, может быть, время. Каждый такой раздор, как ни ничтожен, – есть надрыв любви.

Минутное чувство увлечения, досады, самолюбия, гордости – пройдет, а хоть маленький надраз останется навсегда и в лучшем, что есть на свете – в любви.

8 февраля. Мне так хорошо, так хорошо, так ее люблю!»

Мы видим из этих беглых заметок, как бережно, как сознательно относился Л. Н-ч к своему новому чувству, как будто он боялся потерять его, стать недостойным этого священного огня, загоревшегося в нем и осветившего своим светом всю его внутреннюю жизнь и окружающую обстановку.

И все-таки во всем этом увлечении постоянно слышится нотка анализа, сомнения, не дающая ему испытать полного счастья – самозабвения, которого ему так хотелось, и в обладании которым он так старался уверить себя.

И это сомнение, это неудовлетворение, помимо его воли, быть может, выразилось в его художественных творениях.

Вскоре после женитьбы Л. Н-ч начал писать «Войну и мир». В 6-ой главе 1-ой части, написанной в конце 63 г. или в начале 64 года, т. е. через год с небольшим после свадьбы, князь Андрей так говорит Пьеру:

– Никогда, никогда не женись, мой друг! Вот тебе мой совет: не женись до тех пор, пока ты не скажешь себе, что ты сделал все, что мог, и до тех пор, пока ты не перестанешь любить ту женщину, какую ты выбрал, пока ты не увидишь ее ясно, а то ты ошибешься жестоко и непорочно. Женись стариком, никуда не годным... А то пропадет все, что в тебе есть хорошего и высокого. Все истратится по мелочам. Да, да, да! Не смотри на меня с таким удивлением. Ежели ты ждешь от себя чего-нибудь впереди, то на каждом шагу ты будешь чувствовать, что для тебя все кончено, все закрыто, кроме гостиной, где ты будешь стоять на одной доске с придворным лакеем и идиотом... Да что...

Он энергически махнул рукой.

Пьер снял очки, от чего лицо его изменилось, еще более выказывая доброту, и удивленно глядел на друга.

– Моя жена, – прибавил князь Андрей, – прекрасная женщина. Это одна из тех редких женщин, с которою можно быть покойным за свою честь. Но, боже мой... чего бы я не дал теперь, чтобы не быть женатым! Это я тебе одному и первому говорю, потому что я люблю тебя.

Чувство органической зависимости от жены, от семьи Л. Н-ч прекрасно выражает в «Анне Карениной», описывая первое время женитьбы Левина и Китти.

Когда Китти сделала ему сцену ревности, потому что он опоздал на полчаса домой, Левин, говорит Л. Н-ч, «тут только в первый раз ясно понял, чего он не понимал, когда после венца повел ее из церкви. Он понял, что она не только близка ему, но что он теперь не знает, где кончается она и начинается он. Он понял это по тому мучительному чувству раздвоения, которое он испытывал в эту минуту. Он оскорбился в первую минуту, но в ту же секунду он почувствовал, что он не может быть оскорблен ею, что она была он сам. Он испытывал в первую минуту чувство, подобное тому, какое испытывает человек, когда, получив вдруг сильный удар сзади, с досадой и желанием мести оборачивается, чтобы найти виновного, и убеждается, что это он сам нечаянно ударил себя, что сердиться не на кого и надо перенести и утишить боль».

В другой раз Левин, раздосадованный тем, что Китти увязалась за ним в его поездке к умирающему брату, в ужасе восклицает:

– Нет, это ужасно. Быть рабом каким-то!

...Но в ту же минуту он почувствовал, что он бьет сам себя.

Таким образом, минуты счастья перемежались с минутами сознания и сожаления об утраченной свободе.

В то же время Л. Н-ча не оставляют и литературные планы и мечты. Он в своем дневнике записывает сюжет нового романа. Вот два намеченные типа: «профессор-западник, взявший себе усидчивой работой в молодости диплом за умственную праздность и глупость – в противоположность человеку, до зрелости удержавшему в себе смелость мысли и нераздельность мысли, чувства и дела».

Эти типы отчасти были изображены в «Анне Карениной». Попадают в дневнике того времени и мысли общего критического, философского характера:

«...Открытие новых законов в науке есть только открытие нового способа воззрения, при котором то, что прежде было неправильным, кажется правильным и последовательным, вследствие которого (нового воззрения) другие стороны становятся темнее».

В половине декабря Л. Н-ч с молодой женой едет ненадолго в Москву.

Пребывание Л. Н-ча с женой в Москве, конечно, обратило на себя внимание их друга Фета, и он делает заметку об этом в своих воспоминаниях:

«В скором времени я с восторгом узнал, – пишет Фет, – что Лев Николаевич с женой в Москве и остановились в гостинице Шеврие, бывшей Шевалье. От нас не ускользнула эта перемена, столь идущая в данном случае к прелестной идиллии молодых Толстых. Несколько раз мне при проездах верхом по Газетному переулку удавалось посылать в окно поклоны дорогой мне чете».

Но это продолжалось недолго. Вскоре молодые супруги снова в Ясной Поляне, где Л. Н-ч отдается опять семейно-хозяйственной жизни.

«Вероятно, молодым Толстым, – продолжает Фет, – невзирая на очарование первого московского сезона недавних супругов, недолго ложилось у Шеврие, и мы на пути из Москвы направились в давно знакомую нам Ясную Поляну, где нам предстояло увидеть новую ее хозяйку.

Часов в 8 вечера, в морозную месячную ночь, почтовая тройка, свернув с шоссе, повезла нас по проселку, ведущему к вороту между двумя башнями, от которых старая березовая аллея ведет к яснополянскому дому. Когда мы стали подыматься рысцей на изволок к этому вороту, то заметили бойко выезжающую из ворот навстречу нам тройку. «Вот, – подумал я, – как кстати. Тульские не знакомые нам гости со двора, а мы как раз подъедем». Но вот бойкая тройка, наехав на нас, вынуждена, подобно нам, шагом сворачивать в субой с дороги, на которой двум тройкам нет места рядом.

– Возьми поправее-то! – кричит своему кучеру седок, лица которого я не могу рассмотреть в тени от высокой спинки саней.

– Это вы, граф? – крикнул я, узнав голос Льва Николаевича – Куда вы?

– Боже мой, Афанасий Афанасьевич... мы с женой выехали прокатиться. А Марья Петровна здесь?

– Здесь.

– Ах, как я рада! – воскликнул молодой и серебристый голос.

– Выбирайтесь на дорогу! – воскликнул граф, – а мы сейчас же завернем за вами следом.

Не буду описывать отрадной встречи нашей в Ясной Поляне, – встречи, которой много раз суждено было повториться с той же отрадой. Но на этот раз я невольно вспомнил дорогого Николая Николаевича Толстого, прослушавшего в Новоселках всю ночь прелестную птичку. Такая птичка оживляла яснополянский дом своим присутствием».

Выход в свет «Казakov» и затем «Поликушки» снова обращает внимание литературных друзей Л. Н-ча, но он, увлеченный иным, практическим делом, смотрит как-то издали на свою прежнюю литературную деятельность и так выражает это в своем письме к Фету весной 1863 года:

«...Ваши оба письма одинаково были мне важны, значительны и приятны, дорогой Афанасий Афанасьевич... Я живу в мире, столь далеком от литературы и критики, что, получая такое письмо, как ваше, первое чувство мое – удивление. Да кто же такой написал «Казак» и «Поликушку»? Да и что рассуждать о них? Бумага все терпит, а редактор за все платит и печатает. Но это только первое впечатление, а потом вникнешь в смысл речей, покопаешься в голове и найдешь там где-нибудь в углу, между старым забытым хламом, найдешь что-то такое неопределенное, под названием художественное. И, сличая с тем, что вы говорите, согласишься, что вы правы, и даже удовольствие найдешь покопаться в этом старом хламе и в этом когда-то любимом запахе. И даже писать захочется. Вы правы, разумеется. Да ведь таких читателей, как вы, мало. «Поликушка» – болтовня на первую попавшуюся тему человеку, который «и владеет пером», а «Казак» – «с сукровицей», хотя и плохо. Теперь я пишу историю пегого мерина, к осени, я думаю, напечатаю. Впрочем, теперь как писать? Теперь незримые усилия даже зримые, и притом я в юхванстве по уши. И Соня со мной, управляющего у нас нет. Есть помощник по полевому хозяйству и постройкам, а она одна ведет контору и кассу. У меня и пчелы, и овцы, и новый сад, и винокурня. И все идет понемножку, хотя, разумеется, плохо

сравнительно с идеалом. Что вы думаете о польских делах? Ведь дело-то плохо, не придется ли нам с вами и с Борисовым снимать опять меч с заржавленного гвоздя?»

А вот мнение Тургенева о тех же литературных произведениях, выраженное в его письмах к Фету того же времени:

«Казаков» я читаю и пришел от них в восторг (и Боткин также). Одно лицо Оленина портит общее великолепное впечатление. Для контраста цивилизации с первобытной, нетронутой природой не было никакой нужды снова выводить это возящееся с самим собою скучное и болезненное существо. Как это Толстой не сбросит с себя этот кошмар».

И далее в другом письме:

«Прочел я «Поликушку» Толстого и удивлялся силе этого крупного таланта. Только материалу уж больно много потрачено, да и сынишку он напрасно утопил. Уж очень страшно выходит. Но есть страницы, поистине, удивительные. Даже до холода в спинной кости пробирает, а ведь она у нас и толстая, и грубая. Мастер, мастер».

Как резко выражается в этих отзывах об одних и тех же литературных произведениях – самого Л. Н-ча и его друга Тургенева – разность их характеров и взглядов на литературное искусство!

«Поликушку» Л. Н. считает «болтовней», а Тургенев не находит слов для похвалы и только упрекает в излишней силе впечатления. «Казаков» Толстой считает «с сукровицей», т. е. с идеей, составляющей силу этого рассказа, Тургенев хотя и приходит в восторг от «Казаков», но самую эту сукровицу, т. е. идею, выражаемую типом Оленина, считает скучным, болезненным кошмаром.

Но возвратимся к яснополянской идиллии.

В письме к Фету Л. Н-ч употребляет такую фразу: «Что вы думаете о польских делах? Ведь дело-то плохо, не придется ли нам с вами и с Борисовым снимать меч с заржавленного гвоздя?»

Очевидно, дело идет о польском восстании 1863 года. Из дневника Софьи Андреевны того времени мы видим, что Л. Н. действительно собирался на войну; на ней, очевидно, болезненно отзывались эти сборы.

Вот что она пишет:

«22-го сентября... почти правда. На войну. Что за странность. Взбалмошный, нет, неверно, а просто непостоянный... Все у них шутка. Минутная фантазия. Нынче женился, понравилось, родил детей, завтра захотел на войну, бросил. Надо теперь желать смерти ребенка, потому что я его не переживу. Не верю я в эту любовь к отечеству, в этот энтузиазм в 35 лет. Разве дети не то же отечество, не те же русские. Их бросить, потому что весело скакать на лошади, любоваться, как красива война и слушать, как летают пули.

...Войны еще нет, он еще тут».

Это ограничилось, к общему благополучию, одними мечтами. Порой Лев Николаевич, как бы отрываясь от своей кипучей деятельности, закрывая на все глаза, снова уходит в самого себя и хотя издали, но уже замечает своего страшного, тогда еще редко посещавшего его призрака – дракона смерти.

1-го марта в дневнике его кратко, но ясно выражено это состояние: «мысль о смерти».

В своем неутомимом стремлении анализа и раскапывания жизни до ее основания Толстой не дает себе покоя даже при полном благополучии. При (отсутствии препятствия он воображает его и нападает на него, как Дон-Кихот на ветряные мельницы. Так, на него находят припадки ревности. Он записывает в дневнике, что он чувствует «ревность к человеку, который бы вполне стоил ее». Но зато дальше он пишет:

«...А малейший проблеск понимания и чувства, и я опять счастлив и верю, что она понимает вещи, как и я».

При его страстности, способности увлекаться, и вместе с тем подозрительности, неизбежны были огорчения и семейные бури, но зато неизбежны и порывы счастья, любви, с такою же силою чувствуемых, как и предшествующие страдания.

Запись дневника 6-го октября 1863 года кратко, но ясно отражает нам эти периоды борьбы с самим собою.

«...Все это прошло и все неправда. Я ею счастлив, но я собою недоволен страшно. Я качусь, качусь под гору смерти и едва чувствую в себе силы остановиться. А я не хочу смерти, я хочу и люблю бессмертие. Выбирать незачем. Выбор давно сделан – литература, искусство, педагогика, семья. Непоследовательность, робость, лень, слабость – вот мои враги».

Юный возраст супруги Льва Николаевича возбуждал иногда шутки его друзей, от которых приходилось отбиваться Льву Николаевичу. Так, от 15 мая 1863 года он пишет Фету:

«Чуть-чуть мы с вами не увидались, и так мне грустно, что «чуть-чуть», столько хотелось бы с вами переговорить. Нет дня, чтобы мы о вас несколько раз не вспоминали. Жена моя совсем не играет в куклы. Вы не обижайте. Она мне серьезный помощник. Да еще с тяжестью, от которой надеется освободиться в начале июля. Что же будет после? Мы юхванствуем понемножку. Я сделал важное открытие, которое спешу вам сообщить. Приказчики, управляющие и старосты есть только помеха в хозяйстве. Попробуйте прогнать все начальство и спать до десяти часов, и все пойдет, наверно, не хуже. Я сделал этот опыт и остался им доволен вполне. Как бы, как бы нам с вами свидеться? Ежели вы поедете в Москву и не заедете к нам с Марьей Петровной, то это будет даже обидно. Эту фразу подсказала мне жена, читавшая письмо. Некогда. Хотел много писать. Обнимаю вас от всей души, жена очень кланяется, и я очень кланяюсь вашей жене.

Дело: когда будете в Орле, купите мне пудов 20 разных веревок, вожжей, тяжей и пришлите мне с извозчиками, ежели с провозом обойдется дешевле двух рублей тридцати копеек за пуд. Деньги немедленно вышлю».

А вот еще одна лишняя картинка яснополянской жизни, принадлежащая перу того же друга – поэта Фета, восторженного поклонника молодой четы:

«Несмотря на самое серьезное и нетерпеливое расположение духа, я не мог отказать себе в удовольствии заехать в Ясную Поляну. Едва только я повернул между башнями по березовой аллее, как наехал на Льва Николаевича, распоряжающегося вытягиванием невода во всю ширину пруда и, очевидно, принимающего всевозможные меры, чтобы караси не ускользнули, прячась в ил и пробегая мимо крыльев невода, невзирая на яростное щелканье веревками и даже оглоблями.

– Ах, как я рад! – воскликнул он, очевидно деля свое внимание между мною и карасями. – Мы вот, сию минуту. Иван, Иван! круче заходи левым крылом. Соня, ты видела Афанасия Афанасьевича?

Но замечание это явно опоздало, так как, вся в белом, графиня давно уже подбежала ко мне по аллее и тем же бегом, с огромной связкой тяжелых амбарных ключей на поясе, невзирая на крайне интересное положение, бросилась тоже к пруду, перескакивая через слегы невысокой загороди.

– Что вы делаете, графиня! – воскликнул я в ужасе – Как же вы неосторожны!

– Ничего, – ответила она, весело улыбаясь, – я привыкла.

– Соня, вели Нестерке принести мешок из амбара, и пойдемте домой.

Графиня тотчас же отцепила от пояса огромный ключ и передала его мальчику, который бросился бегом исполнять поручение.

– Вот, – сказал граф, – вы видите полное применение нашей методы держать ключи при себе, а исполнять все хозяйственные операции при посредстве мальчишек.

Вечер этого дня можно бы по справедливости назвать исполненным надежд. Стоило посмотреть, с какою гордостью и светлою надеждою глаза добрейшей тетушки Татьяны Александровны озирали дорогих племянников и, обращаясь ко мне, ясно говорили: «вы видите? у mon cher Leon, конечно, не может быть иначе».

Что касается до молодой графини, то, конечно, у прыгающей в ее положении через слезы жизнь не может не быть озарена самыми радостными надеждами. Сам граф, прошедший всю жизнь в усиленных поисках новизны, в этот период, видимо, вступил в неведомый дотоле мир, в могучую будущность которого верил со всем увлечением молодого художника».

Краткую, но характерную заметку об этом времени мы находим в воспоминаниях свояченицы Л. Н-ча, тогда еще молодой девушки, младшей сестры графини, Т. А. Берс:

«Весной я поехала к ним в Ясную Поляну. Он увлекался тогда двумя вещами: тягой вальдшнепов и пчельником. На тягу я почти каждый день ходила с ним, т. е. он шел, а я верхом. Мы становились в Засеке около пчельника; я помню, как он восхищался весной, пролетом птиц, закатом солнца, а слов его не помню. С ним всегда бежал желтый сеттер Дора. Не раз, возвращаясь домой, он заставлял у себя приехавшего или своего друга молодости Дм. Алекс. Дьякова, или Фета, или П. Ф. Самарина. За чаем или за ужином происходили беседы самые оживленные; но я содержания их не помню. Пчельником он много занимался. У него жил там седой дед. Л. Н-ч надевал сетку на голову и по целым часам изучал жизнь пчел».

В июне Л. Н-ч записывает в дневнике: «Читаю Гете, и роятся мысли».

28-го июня последовало рождение первого сына, Сергея. А вместе с этим начался целый ряд новых семейных забот, горестей и радостей.

Об этом первом годе семейной жизни у нас, к сожалению, нет никаких сведений, за исключением нескольких беглых заметок дневника. В это время он, вероятно, уже занимался собиранием и разработкой материала для будущего большого романа.

Из литературных опытов этого года следует упомянуть о двух малоизвестных неизданных произведениях Льва Николаевича.

Он написал шуточную комедию под заглавием «Нигилист». Содержание такое: муж и жена, у них учитель «нигилист». Муж ревнует жену, и выходят разные *qui pro quo*. Кончается благополучно. Они мирятся, и жена поет мужу куплет, последние строчки которого такие:

Я консерватор совершенно
И занята одними вами.

Эта комедия была поставлена на домашнем спектакле и прошла с блестящим успехом. Мужа играла графиня С. А., жену – ее сестра Т. А. На сцене является богомолка-странница, которую играла сестра Л. Н-ча, гр. Марья Николаевна, так вошедшая в свою роль, что на сцене импровизировала целые тирады.

Кроме того, Л. Н-ч тогда же написал комедию «Зараженное семейство» и в январе 1864 года повез ее в Москву, желая поставить на казенном театре. Но так как сезон уже подходил к концу, то ему это не удалось. Л. Н-ч читал эту комедию Островскому и выразил ему сожаление, что ему придется отложить постановку, тогда как сюжет комедии современный, на что Островский отвечал ему: «Разве ты думаешь, что люди скоро поумнеют?»

Комедия эта до сих пор лежит неизданной, в рукописи. Перескакивая целый год, мы находим Л. Н-ча уже погруженным в семейные тяготы и заботы. Так, он писал Фету 15-го июля 1864 года:

«Милый друг Афанасий Афанасьевич! Только два слова.

Жена диктует: весь дом болен. А я от себя прибавлю: и начинает выздоравливать. Ваше приглашение всех порадовало. Мы переглянулись с женой и Таней-свояченицей, улыбнулись все: а вот бы славно! поедem к Фетушке, ей-богу! И поехали бы, кабы не горловая болезнь Тани, от которой она была в опасности и теперь лежит, и не болезнь Сережи, и не восьмой месяц беременности Сони, при чем, обдумав здраво, не следует предпринимать такие поездки. Я же желаю и надеюсь быть».

Несмотря на сильное, страстное увлечение семьей и хозяйством, Л. Н-ч испытывал в то же время еще одну страсть, иногда затмевавшую первые две. Страсть эта была охота. Он сам признается в этом жене своей, вероятно, получив от нее упрек за долгую отлучку, и пишет ей, между прочим, в августе 1864 года, т. е. на второй год женитьбы:

«...Ты говоришь, я забуду. Ни минуты, особенно с людьми. На охоте я забываю, помню об одном дупеле, но с людьми при всяком столкновении, слове я вспоминаю о тебе, и все мне хочется сказать тебе то, что я никому, кроме тебя, не могу сказать».

В одну из таких поездок, тоже в августе того же года, Л. Н-чу пришлось быть свидетелем страшного и странного несчастья. Он пишет жене:

«...Страшный там случай, поразивший меня ужасно. Баба-скотница упустила бадью в колодец на конном дворе. Колодец всего 12 аршин. Села на палку и велела себя спустить мужику. Мужик, староста-пчеловод, единственный мне знакомый и милый в Никольском; баба слезла вниз и упала с палки. Мужик-староста велел себя спустить, долез до половины, упал с палки вниз. Побежали за народом, вытащили через полчаса, оба мертвые. В колодце было всего три четверти воды, вчера хоронили».

Этот случай послужил для Л. Н-ча темой рассказа «Вредный воздух», помещенного в 4-й книге для чтения.

Но вот его увлекает новая страсть творчества, и он начинает писать «Войну и мир». К истории этого великого произведения мы и приступаем в следующей главе.

Глава 2. История «Войны и мира»

Само собой разумеется, что мы будем говорить о «Войне и мире» не в смысле критическом, литературном, а как о важном жизненном факте, дающем нам ценный биографический материал. И потому, если мы и будем касаться критики, то опять-таки только как характерных черт описываемой эпохи, как данных для изображения среды, окружавшей Л. Н-ча, его отношения к ней и их взаимного влияния. Наконец, мы считаем своим долгом высказать и наше собственное отношение к «Войне и миру» как факту художественному, историческому, моральному и философскому, считая более подробную критическую оценку этого произведения неуместной для биографии и требующей специального обширного труда, который отлагаем до более благоприятного времени.

Как ни странно это сказать, это великое произведение явилось на свет как бы случайно, или, выражаясь юридически, «без заранее обдуманного намерения».

Многим читателям, вероятно, известно, что раньше «Войны и мира» Л. Н-ч задумывал написать роман «Декабристы». Отрывки этого романа, напечатанные в 3-м томе полного собрания сочинений, снабжены следующим примечанием:

«Печатаемые здесь три главы романа под заглавием «Декабристы» были написаны еще прежде, чем автор принялся за «Войну и мир». В то время он задумывал роман, которого главными действующими лицами должны быть декабристы, но не написал его, потому что, стараясь создать его, он невольно переходил мыслью к предыдущему времени, к прошлому своих героев. Постепенно перед автором раскрывались все глубже и глубже источники тех явлений, которые он задумывал описывать: семья, воспитание, общественные условия и проч. избранных им лиц; наконец, он остановился на времени войн с Наполеоном, которое и изобразил в «Войне и мире». В конце этого романа видны уже признаки того возбуждения, которое отразилось в событиях 14-го декабря 1825 года».

Время наполеоновских войн недаром привлекло внимание Л. Н-ча. Исторический и психологический анализ этих событий привел его к созданию особого философского взгляда на историю, и весь роман является как бы дивной иллюстрацией к этому взгляду. Для детальной разработки этой картины послужили, с одной стороны, семейные и исторические предания; с другой стороны, особое отношение автора к жизни и духу русского народа, явившегося главным действующим лицом в этой эпопее.

Вот те данные, которые, по нашему мнению, легли в основу «Войны и мира». Первое упоминание о работе над «Войной и миром» мы встречаем в дневнике Софьи Андреевны:

«28 октября 1863 г... Где он? *История 12-го года*, бывало, все рассказывал – теперь недостойна».

В конце 64-го года в письмах Л. Н-ча появляются уже сообщения о том, что работа идет. Так, 17-го ноября 1864 года он пишет Фету:

«Я тоскую и ничего не пишу, а работаю мучительно. Вы не можете себе представить, как мне трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на котором я принужден сеять. Обдумать и передумать все, что может случиться со всеми будущими людьми предстоящего сочинения, очень большого, и обдумать миллионы возможных сочетаний для того, чтобы выбрать из них 1/1000000 – ужасно трудно, и этим я занят».

Вскоре затем он писал еще:

«Я довольно много написал нынешнюю осень своего романа. *Ars longa, vita brevis*, – думаю я всякий день. Коли можно бы было успеть 1/100 долю исполнить того, что понимаешь, но выходит только 1/1000000 часть. Все-таки это сознание, что могу, составляет счастье нашего брата. Вы знаете это чувство. Я нынешний год с особенной силой его испытываю».

Писание «Войны и мира» было прервано самым неожиданным трагическим образом. В сентябре 1864 года со Львом Николаевичем на охоте произошел случай, едва не стоивший ему жизни. Вот как сообщает об этом несчастье гр. С. А. своей сестре:

1-го октября 1864 года.

«...Лева поехал в ненавистные тебе Телятники с борзыми и на Машке, которая давно уже стояла. Вдруг выскочил русак. Лева кричит: «ату его!» – и пускается во весь дух его травить. Машка, непривычная к охоте, ужасно быстрая в скаку, натывается на очень узкую, но глубокую рытвину, перепрыгнуть не в состоянии, спотыкается и падает. Лева падает с нее, ушибается, и рука его вывихнулась. Конечно, лошадь убежала, а Лева почти без памяти, с ужасной болью в руке, остается на месте. Кое-как собрался он с силами, встал и поплелся; до шоссе было с версту; как он дошел, одному богу известно; говорит, что ему все казалось очень давно. Что «когда-то» он ехал, «когда-то давно» травил зайца, и точно как будто давно-давно он упал. В таком состоянии дошел до шоссе, там и лег. Ехали мужики, он кричал, они не обратили внимания, наконец, пешеход остановил телегу, мужики его подняли, положили и привезли не домой, а он велел на деревню, в избу, чтобы не испугать меня. А я, между тем, сижу с Сережей и мамашей и ворчу, что никто не едет к обеду. Вдруг Машенька является, закутанная и со странным лицом. Они переглядываются и начинают меня готовить, и как надо быть рассудительной, не пугаться... Я кричу: «что с Левою, говорите скорей!» Мне говорят, что он в избе; я бегу туда и вижу его раздетым, в страшных страданиях, стонет, и руку держит мужик, баба-старуха растирает. Агафья Михайловна делает чай, и тетенька там, и дети кричат. Послали за Шмигера, он 8 раз принимался ломать руку, т. е. править, ничего не сделал, а только измучил Леву. Мама одна все время присутствовала. Он провел страшную ночь, я его не покидала ни минуты, и на другой день приехал ловкий молодой доктор Преображенский, который с хлороформом отлично вправил ему руку».

Дополняем описание этого случая по воспоминаниям его слуги Сергея Петровича Арбузова:

«Графа тем временем перевезли с деревни в свой дом. В доме никто не спал. Доктор разделся, прошел наверх в кабинет, куда я подал и лекарства. Софья Андреевна сейчас же послала меня за двумя работниками, чтобы держать графа, когда доктор будет править руку. Я позвал работников Семена и Владимира, которых граф очень любил; по приказанию графини они были введены в кабинет и по указанию доктора стали сзади графа. Доктор дал что-то понюхать, и Лев Николаевич заснул, а доктор начал править руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.